

Традиции в эпоху глобальных трансформаций

Ю.А. Красин, доктор философских наук

В обсуждаемом докладе поставлена большая философская и, я бы сказал, вечная проблема развития человеческого общества: соотношение исторической преемственности форм общественного бытия и сознания и все более быстрых изменений в жизнедеятельности социума. Помнится, еще в 70-х гг. прошлого века мне довелось участвовать в большой международной конференции с весьма показательным названием — «*Tradition in transition*» (традиция в переходе). Конференция была посвящена модной в то время тематике «постиндустриального общества», и на ней обсуждался вопрос о том, могли ли веками сложившиеся традиции общественной жизни адаптироваться к стремительным темпам начавшихся перемен. Сейчас эта проблема очень остро стоит, потому что происходит глубочайшая трансформация общества как в мировом масштабе, так и особенно в России, где за четверть века поколеблены, казалось бы, незыблемые экономические, социальные и духовные устои общественных взаимоотношений.

Здесь В.П. Булдаков сказал, что после прочтения доклада в голове все перемешалось. Думаю, это не только потому, что доклад такой объемный и сложный, но и, в первую очередь, потому, что в нынешнем динамично трансформирующемся мире в духовно-идеологической сфере сложилась чрезвычайно запутанная, можно даже сказать хаотичная ситуация высокой степени неопределенности. По каждому вопросу сосуществует множество различных точек зрения. Разрушены устои, на которых покоились более или менее устойчивые

мировоззренческие системы. Конечно, идет какой-то поиск новых подходов. Но пока, по-моему, преобладает накопление эмпирического материала еще не устоявшихся новых социальных практик для осмысления сути происходящей трансформации социума и разработки необходимых для этого философских парадигм. Не стоит удивляться, что при этом ставятся под вопрос некоторые исходные философские постулаты, которые раньше казались незыблемыми и служили фундаментом хотя бы относительной идеологической и научной определенности.

В течение последнего года наш отдел в Институте социологии занимается проблемами инновационного развития. В этой связи я попытался разобраться в философском содержании «фрактальной теории», которая давно известна в математике, а с недавних пор используется в маркетинговых управленческих процессах. Она успешно применяется в тех случаях, когда «рыночный калейдоскоп» приобретает черты дробности, неопределенности, хаотичности и непредсказуемости. При столь высоком уровне релятивности стандартные управленческие решения невозможны. Вступает в действие принцип «бесконечного вложения». На разных уровнях этой хаотичности модели вроде бы инвариантны, но в то же время это какая-то особая инвариантность, в которой выражается специфика каждого отдельного уровня. Отсюда, в частности, следует вывод о том, что никакая самая совершенная управленческая система не в состоянии охватить подобного релятивного многообразия реального процесса. Вступают в силу механизмы саморегулирования, саморазвития, самоуправления.

В философской плоскости сам факт обращения к «фрактальной теории» свидетельствует об ограниченности линейных схем функционирования и развития общества. Социальная реальность гораздо сложнее, нежели это представлено в модернистских теориях. Эта констатация имеет прямое отношение к содержанию доклада В.Э. Багдасаряна.

Мне кажется, что в нем дана критика именно модернистского представления о развитии социума в линейной логике: от мира традиционного к модерну, от модерна к постмодерну, который заводит в тупик и порождает потребность возврата к традиции. В рисунках, представленных автором, наглядно показан трагический для социума конечный итог линейного развития.

На самом деле, линейное развитие — это упрощенная абстрактная схема. А реальное развитие социума представляет собой многомерный, многовекторный процесс. Поэтому на каждой сколько-нибудь значимой развилке появляются альтернативы, высвечивающие такие направления движения, которые не вытекают из логики линейного развития. В результате, возникают возможности миновать тупики, конечно, ценой издержек и потерь, которые нередко бывают очень значительными.

В конечном счете, базовым основанием любого общественного устройства и той осью, на которой накапливаются социокультурные традиции, является отношение «индивид — социум». Сопоставляя исторический опыт разных культур и цивилизаций, следует признать, что это отношение формируется в разных парадигмах: в западной традиции — это антропоцентризм, на Востоке приоритет скорее отдается другому полюсу — социуму и признанию значимости космических начал в деятельности человека. Глобализация резко интенсифицирует диалог культур и цивилизаций в этой сфере и вызывает сомнение в самой возможности претензий на превосходство одной какой-либо парадигмы над другими, выявляя ограниченности того, что еще вчера казалось верхом совершенства. М. Кастельс, например, указывает на историческую ограниченность западной либеральной традиции, которая, уповая на «свободу индивида», не в состоянии раскрыть потенциал «коллективной креативности», становящейся императивной потребностью инновационного типа развития.

Спайка «индивид — социум» — конкретно историческая категория. В ней воплощена вечная проблема человечества, которая на каждом этапе в конкретных социокультурных условиях требует поиска своего оптимального решения. И это еще один аргумент против концепции линейного развития.

Кстати, нарастающая потребность в «коллективной креативности» побуждает сделать замечание относительно социалистической традиции. Социалистическую идею многие давно похоронили. И она действительно основательно дискредитирована тоталитарно-авторитарной практикой прошлого века. Но как бы негативно мы ни относились к этой практике, нельзя не видеть, что эта идея предлагает одно из принципиальных решений проблемы «индивид — социум» на основе переустройства общества в соответствии с системой ценностей, в которой приоритетное значение отводится принципам социального равенства, справедливости и солидарности. Эта система ценностей и составляет содержание социалистической традиции, которая обязательно будет возникать на тех или иных этапах развития социума. По существу, она акцентирует внимание на одной стороне парной категории «индивид — общество», в то время как приоритет другой стороны (индивид) воплощен в либеральной традиции. Мне кажется, тяжкие последствия радикально либеральных экспериментов привели к тому, что в современном российском обществе появляется все больше признаков возрождения притягательности социалистической идеи и, значит, возврата к социалистической традиции.

Еще одно мое замечание касается высказанных здесь мыслей о значении знаменитой «триады» Гегеля и «циклов» Рене Генона для уяснения механизмов возврата к традициям. Думаю, еще большее значение в этом отношении имеют «антиномии» И. Канта. Я убежден, что после Гегеля и Маркса в гуманитарной науке утвердилась большая недооценка кантовских антиномий. И причина этой недооценки в какой-то мере заключена как раз в гегелевской триаде — «тезис, ан-

титезис, синтез». «Триада» «снимает» противоречие через борьбу противоположностей. Эту схему движения противоречий Маркс, естественно, воспринял положительно, потому что она хорошо накладывалась на теорию классовой борьбы. Произошла, как говорят философы, абсолютизация одного типа противоречий, а именно — противоречий, развивающихся и разрешающихся в логике триады.

Триада помешала Гегелю (а вслед за ним и Марксу) оценить истинную значимость кантовского открытия. Воздавая должное Канту за то, что он обратился к теме противоречий, Гегель увидел в антиномичности лишь омертвление живых противоречий и подверг за это своего предшественника жесткой критике. От него ускользнул рациональный смысл кантовской идеи: за неподвижным противостоянием двух полюсов антиномии, в котором философ видел доказательство ограниченности разума, скрывалась гениальная догадка об особом типе противоречий, отнюдь не исчезающем в некоем синтезе, а постоянно воспроизводящем себя. Антиномия — это «вечное противоречие».

Для исследования соотношения традиций и новаций, традиционализма и модернизма этот тип противоречий принципиально важен: он позволяет освободиться от излишнего схематизма гегелевской триады и геноновского цикла. Развитие идет не только через триаду и упразднение противоречия, но и через антиномию, в которой противоположности постоянно сохраняются; они лишь видоизменяются и меняется структура их взаимодействия. Такого рода противоречия никогда не разрешаются окончательно, создавая базу устойчивости взаимодействия противоборствующих сторон.

Все это имеет прямое отношение к рассматриваемой теме. По моему мнению, взаимоотношения устойчивых традиций и динамичных инноваций — это одна и ключевых антиномий общественного развития. Поэтому не нужно ожидать, что когда-то будет найдено некое окончательное решение возникающих здесь проблем. Не нужно ожидать, что модер-

низм навсегда преодолет традиционализм, или, наоборот, традиционализм вытеснит модернизм. Возможны разные варианты взаимодействия и противоборства. Соглашусь с высказанной здесь мыслью, что вряд ли плодотворно искать какие-то единые стандарты, которые могли бы охватить все многообразие содержания этой антиномии.

